

Дмитрий Хаустов

Опасный метод

Пять лекций
по психоанализу

ЛекцииPRO-mini

Дмитрий Хаустов

**Опасный метод. Пять
лекций по психоанализу**

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 159.964

Хаустов Д. С.

Опасный метод. Пять лекций по психоанализу / Д. С. Хаустов — «РИПОЛ Классик», 2019 — (ЛекцииPRO-mini)

ISBN 978-5-386-12282-9

Возникновение психоанализа, без сомнения, одно из важнейших интеллектуальных событий XX века. Психоаналитические концепции Зигмунда Фрейда, Жака Лакана оказали огромное влияние не только на психологию, но и на всю современную культуру. Настоящие лекции историка философии Дмитрия Хаустова – краткое и увлекательное путешествие по самым основным вехам этого экстраординарного феномена

УДК 159.964

ISBN 978-5-386-12282-9

© Хаустов Д. С., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Вступительное слово	6
Лекция 1	7
Лекция 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Хаустов
Опасный метод
Пять лекций по психоанализу

© Хаустов Д. С., 2019

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Иллюстрации А. Хаустовой

* * *

Вступительное слово

Перед вами пять лекций по психоанализу, нигде до этого момента не читанных, не публиковавшихся, словом, вполне оригинальных *написанных* лекций – скажем так, лекций для чтения, по аналогии с пьесами для чтения: лекции эти – почему нет? – также можно разыгрывать вслух, при публике в просторной гостиной, желательно по ролям (вот входит Фрейд, вот Юнг, вот Лакан, а вот и – сюрприз! – Славой Жижек, и за всем этим хор из невротиков, психотиков, аналитиков, прочих первертов...). С другой стороны, их можно читать *про себя*.

В качестве краткого предуведомления я позволю себе оговорить само это, более чем лаконичное, название – «Пять лекций по психоанализу», – то есть оговорить некоторые *слова*, в чем, собственно, и состоит моя (историко-философская, комментаторская) работа.

Так как прояснению главного слова «психоанализ» эта работа в целом и посвящена, здесь я о нем скажу только следующее: два главных героя-психоаналитика этих лекций – Зигмунд Фрейд и Жак Лакан, между ними почти что пропорционально поделено всё их, этих лекций, небольшое количество. О других фигурах психоанализа, великих и малых, говорится вскользь и по случаю (о ком-то поэтому не говорится вообще, что, разумеется, не означает, что этот кто-то по каким-то причинам недостоин внимания). Это понятно: у разных психоаналитиков разные теоретические заслуги. Но даже при скромных заслугах фигуры не первого ряда по-своему интересны, к ним хочется обращаться. Однако формат этих лекций не благоволит желанной сюжетной размашистости. Отмечу, что и в этом есть свои преимущества, особенно в том условно популяризаторском жанре, в каком все нижеизложенное и исполнено. Краткость – важная часть выбранной методологии.

Последнее замечание – как раз о формате, о «методологии краткости». Лекций всего-то пять, и для такой богатой темы это капля в море (ну хорошо, пять капель). Тем значимее задача: в плотных и емких формулировках сказать о том главном, опорном, без чего продолжать свое знакомство с психоанализом, на мой авторский взгляд, совсем нельзя. А так как на это дальнейшее знакомство читателя с заданной темой я молчаливо надеюсь, задача моя дополняется: лекции должны быть не только информативными, но и – буквально – захватывающими. Отсюда внимание к стилю: дидактика – без монотонности, азы – без банальности, правда – с поэзией... и сарказмом.

Вот и все для начала. По всему видно, что адресат этого предуведомления – сам его автор, проясняющий самому себе свои цели. А что же читатель? Не вправе чего-либо от него требовать, только скажу: ему я буду очень признателен за внимание – и неторопливость.

Д. Хаустов.

Весна 2018

Лекция 1

Событие Фрейда

Горе тебе, моя принцесса, когда я явлюсь. Я зацелую тебя, пока ты не покраснееешь, и закормлю, покаты не потолстеешь. А если ты проявишь строптивость, ты увидишь, кто из нас сильнее: нежная маленькая девочка, которая ест недостаточно, или большой яростный мужчина с кокаином в теле.

Из письма Фрейда к Марте Бернайс от 2 июня 1884 года¹

Высказывание «психоанализ – это Зигмунд Фрейд» вряд ли можно признать достаточным, но нельзя не признать в общем верным. Возникший в условиях персональной фрейдовской мысли, психоанализ в дальнейшем расширял свои рамки, но не выходил – и не мог выйти – за пределы своих изначальных условий. Таким образом, историческое событие психоанализа – это также персональное событие Зигмунда Фрейда. К тому же, заводя разговор о теории, в которой все выводы обусловлены личной историей ее объектов-пациентов, нельзя не признать, что именно *личная история* ее, этой теории, создателя является если и не ключом, то во всяком уж случае верной дорогой к корректному усвоению непосредственно теоретических положений². Поэтому мы условимся двигаться следующим образом: сначала познакомимся с Фрейдом, следом – с его работами и только потом попытаемся собрать это все воедино. От нас потребуется немного великодушия, чтобы отдалиться на время течению чужой жизни, – уверяю, это окупится сторицей, ибо жизнь, подобная жизни Фрейда, для внимательного взгляда может оказаться не иначе как рогом теоретического изобилия.

Сигизмунд Шломо Фрейд, вошедший в историю под несколько более благозвучным именем Зигмунд Фрейд, родился 6 мая 1856 года во Фрайберге, Моравия, Австро-Венгерская империя. Отцом его был Якоб Калламон Фрейд, потомственный еврейский торговец из Восточной Галиции. Матерью – Амалия Натансон, дочь торгового агента из Одессы. Это был не первый брак Якоба, к тому же Амалия годилась ему в дочери. Они поженились в 1855 году и за последующие десять лет произвели на свет богатое потомство числом в восемь маленьких Фрейдов: Зигмунд, Юлий, Анна, Регина Дебора, Мария, Эстер Адольфина, Паулина Регина и Александер, последний появился на свет в 1866 году, – итого три мальчика и пять девочек. В 1860 году семья переехала в бедный венский пригород Леопольдштадт.

Зигмунд был первым и фактически, и юридически: он был любимчиком матери и отца, ему было позволено больше, чем всем остальным, то есть рос он в положении лидера, человека избранного, привилегированного, *главного*. Элизабет Рудинеско описывает это следующим образом: «У Фрейда, воспитанного в либеральном духе, в обществе, где действовала эндогамная система, а браки традиционно заключались по договору, при отце, годившемся ему в

¹ Цитата по: Фромм Э. Теория Фрейда: Миссия Зигмунда Фрейда. Анализ его личности и влияния. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: Астрель, 2012. С. 23.

² Биографической литературы о Фрейде – хорошей и плохой – великое множество, поэтому оговорю свой выбор. В первую очередь я опираюсь на свежую биографию Элизабет Рудинеско, по счастью оперативно переведенную на русский язык и, таким образом, всем доступную: Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд в своем и нашем времени. М.: Кучково поле, 2018. Также на русском есть большая биография авторства Питера Гая: Гай П. Фрейд. М.: Азбука-Аттикус; Колибри, 2016. А кроме того, сильно сокращенное, сведенное к одному томику издание трехтомной биографии Фрейда под авторством Эрнеста Джонса: Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М.: Наука, 1997. Английский оригинал этой первой официальной биографии основателя психоанализа – Jones E. Sigmund Freud, life and work. London: Hogarth press. I, The Young Freud, 1856–1900. – 1953. II, Years of maturity, 1901–1919. – 1955. III, The last phase, 1919–1939. – 1957. Хорошим дополнением к знакомству со становлением Фрейда-психоаналитика послужит книга Шертока и Соссюра: Шерток Л., Соссюр Р. Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. М.: Прогресс, 1991.

деды, при матери, которая могла бы выйти замуж за сводного брата, племянника одного с ним возраста, было счастливое детство. Пять сестер его боготворили и в то же время считали его тираном. Он контролировал, что именно они читают, не выносил звуков пианино, мешавших учиться, и считал вполне нормальным, когда сестры собирались в общей комнате со свечой, тогда как сам он сидел совершенно один и жег масляную лампу»³.

Задним числом можно отметить, что к посту лидера психоаналитического движения Фрейд готовился сильно загодя. Помимо всего перечисленного, исключительность «золотого Зиги», как величала его любящая мать, выражалась в том, что на его счет в семье рано было решено следующее: он не пойдет по стопам отца и деда, не будет делать торговой карьеры, но будет реализовывать себя на поприще познания. Так в итоге и получилось, хотя и не столь линейно и запросто, как представляли себе гордые родители.

На том пути, который был для него рано избран, Фрейд имел самые большие шансы на успех: его мало что интересовало помимо учебы, он не был охоч до типичных развлечений молодежи того (да и всякого) времени, к занятиям у него были нешуточные задатки – уже юношей он был первым учеником в классе, позже легко ориентировался в современной ему науке и не в меньшей мере в мировой культуре в целом, знал английский, французский, итальянский, испанский, чуть хуже – португальский, а также древнегреческий, латинский, древнееврейский языки, а сверху еще и идиш, – и, к слову об идише, привычный европейский антисемитизм тогда в Вене был слишком слаб, чтобы Фрейду в карьере хоть как-то могло помешать его еврейское происхождение (к тому же именно в медицине евреев было невероятно много)⁴.

Юный Фрейд подумывал о занятиях философией, юриспруденцией, даже политикой – благо таланты позволяли ему любой выбор, однако остановился он именно на медицине, поступив в Венский университет, славившийся на всю просвещенную Европу своей естественно-научной подготовкой. Преподавал там, в частности, и Эрнст Вильгельм фон Брюкке, глава австрийской школы физиологии, который окажется одним из тех, кто сыграет в будущем становлении Фрейда немалую роль.

Будет нелишним при переходе к образованию Фрейда сказать несколько вводных слов касательно общей ситуации в медицине и, шире, в культуре, имевшей место в Европе, и в частности в Вене рубежа XIX–XX веков.

Наиболее характерной чертой *венского модернизма* той эпохи было редкое по интенсивности сотрудничество лучших представителей самых разных областей теории и практики: ученых, психологов, писателей, художников... Совсем рядом друг с другом – не просто территориально, но, скажем, духовно и коммуникативно – работали представители венской медицинской школы, австрийской экономической школы, венского кружка философии науки, венской школы в музыке, литературного движения «Молодая Вена». Однако, как отмечает Эрик Кандель, исследующий все эти богатые взаимосвязи венского модернизма, движущим началом, некоторым абсолютным истоком для всех них послужила именно революция естествен-

³ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд... С. 21.

⁴ Вопросу о венском антисемитизме большое место в своей книге отводит Руткевич (смотри главу «Евреи, антисемиты и психоанализ»): *Руткевич Л.* Психоанализ. Истоки и первые этапы развития. М.: ИНФРА-М – ФОРУМ, 1997. Впрочем, нельзя не отметить, что главная задача этого труда (не могу судить, сознательная или нет) – выставить Фрейда в как можно более дурном свете. На это указывает тенденциозный подбор источников, в которых перечисляются все – действительные (как, к примеру, привычка выводить очень общие следствия из очень частных случаев) и мнимые (как, к примеру, симпатия к Муссолини) грехи отца психоанализа, тогда как апологетические источники, которые ведь также бывают весьма доказательными, почти полностью игнорируются. Даже когда автор ссылается на апологетическую книгу – к примеру, книгу Шертока и Соссюра, – он берет из нее только отрицательные факты (хотя положительных там в разы больше, но автору как-то не до того, ему нужно разделаться с оппонентом любыми способами, даром что оппонент этот уже не ответит). Да что там, он даже готов обелять сотрудничавшего с нацистами Юнга, лишь бы Фрейд выглядел хуже! Комично поэтому звучат дежурные фразы Руткевича из серии «конечно, были у Фрейда и плюсы, но...». «Конечно» тут разве что то, что о плюсах мы так ничего и не узнаем, зато вот это лукавое «но» тоскливо растянется на всю книгу, по нынешним меркам немалую. Конечно, у книги этой есть свои плюсы, но...

ных наук второй половины XIX века. Можно условно датировать это биологическое начало венского модернизма выходом труда Чарльза Дарвина «Происхождение видов» в 1859 году. Сформулировать суть этого биологического начала можно так: отныне поняты и научно зафиксирована преобладающая роль инстинкта в человеческой (то есть животной) жизни; ключевую роль в поведении человека, понятого как животный вид, должна играть репродукция, сексуальность⁵. Именно здесь мы находим ту ось, которая связывает столь, казалось бы, разные явления, как психоанализ Фрейда, эволюционизм, литература Артура Шницлера и живопись Густава Климта, Эгона Шиле, Оскара Кокошки.

Фрейд был убежденным дарвинистом, как и его именитый предшественник, великий ученый Карл фон Рокитанский, модернизатор венской медицинской школы, великий патологоанатом и автор фундаментального «Учебника патологической анатомии» в трех томах. Кандель пишет о нем: «Благодаря Рокитанскому патологическая анатомия стала основой медицинской науки и образования не только в Австрии, но и во всех странах Запада. Рокитанский и его коллеги отстаивали идеи, составившие фундамент современной научной медицины. Они доказывали, что медицинские исследования и клиническая практика неотделимы друг от друга и взаимозависимы, что пациент – это поставленный природой эксперимент, что больничная палата должна быть лабораторией для врача, а больница – домом для студентов. Кроме того, сравнивая стадии болезней, Рокитанский и Шкода заложили научную основу представлений о патогенезе – идею, что болезнь естественным образом проходит ряд этапов», и далее: «Рокитанский применил в медицине принцип Анаксагора (V век до н. э.): „Явления – это наблюдаемые проявления скрытого“»⁶.

Эту идею – принципиальную важность *сокрытого*, не лежащего на поверхности, в медицине – мы хорошенько запомним, потому что для венского модернизма с его литературой, живописью и, конечно, психоанализом она будет иметь значение не меньшее, чем общее движение дарвинизма с его *приматом репродукции*. А если к тому же мы уже теперь объединим две эти мысли в единое целое и скажем, что *сексуальность – это и есть то сокрытое*, которое играет важнейшую роль в медицине, мы окажемся так близки к событию Фрейда, как это только возможно.

Последователем Рокитанского в Венском университете и был Эрнст Вильгельм фон Брюкке – непосредственный учитель Фрейда, физиолог и психолог. Будущий преемник, а позже и ренегат от этой богатой медицинской культуры, Фрейд поступает в университет в 1873 году, изучает анатомию, биологию, психологию, медицину и прежде всего зоологию – ей посвящены первые его статьи, – в итоге попадает в физиологическую лабораторию к Брюкке (зоологию при этом пришлось оставить в прошлом), где, помимо прочего, сводит судьбоносное знакомство с доктором Иозефом Брейером. Брейер станет близким другом и единомышленником Фрейда, в соавторстве они напишут работу «Исследования истерии» (1895) – ту самую, которая и положит начало психоаналитической теории.

А пока что Фрейд-физиолог заканчивает учебу (1881), становится доктором и получает у Брюкке должность лаборанта-ассистента. Попутно он служит один обязательный год в армии, где переводит – от скуки – двенадцатый том полного собрания сочинений Джона Стюарта Милля, где рассматриваются, в частности, вопросы женской эмансипации, социализма и пролетариата – словом, всё то, что в дальнейшем будет настолько далеко от Фрейда, насколько это вообще возможно⁷. В 1882 году случится их встреча с Мартой Бернайс: брат Марты Эли женился на сестре Зигмунда Анне. Марта и Зигмунд станут мужем и женой в 1886 году, а до

⁵ Кандель Э. Век самопознания: поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней. М.: АСТ: CORPUS, 2016. С. 33–34.

⁶ Кандель Э. Век самопознания: поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней. С. 50.

⁷ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 29.

того молодой доктор Фрейд демонстрирует настойчивость, ревнивость и изрядный романтизм – так, в период ранних ухаживаний за будущей женой он ежедневно дарил ей розу и писал стихотворение на латыни.

В 80-е годы мышление Фрейда работает по принципу плавильного котла: он движется от идеи к идее, он пробует многое, но ничто не способно удовлетворить его страсть к теоретической новизне. Интуитивно подобная новизна чувствовалась в теории сексуальности. Венская медицинская школа, которую представляли Рокитанский и Брюкке, «исходила из принципа биологии психики, согласно которому все психические процессы имеют биологическую основу»⁸. Характер этой биологической основы еще до открытий Фрейда подчеркнул знаменитый Рихард фон Крафт-Эбинг, автор нашумевших в свое время работ по описательной психиатрии, в которых *сокрытое* в социальном поле – всё та же сексуальность – внезапно сделалось явным. Не то чтобы этот ученый так уж хотел пошатнуть устои степенного общества: он занимался изучением головного мозга и был равнодушен к пикантностям как таковым. Но эффект от его работы шел куда дальше его личных интенций – так что теперь, ретроспективно, открытия Фрейда сложно представить без подготовивших для них место текстов Крафт-Эбинга.

Любопытно, что Крафт-Эбинг, этот степенный и благовоспитанный позитивист, не придал своим «сексуальным» открытиям какого-либо революционного окраса: для него все это сводилось к патологии, а будущие сексуальные открытия Фрейда он именовал не иначе как «научными сказками». Фрейда немало травмировали такие оценки, потому что сам он хотел считать себя человеком сродни Крафт-Эбингу: ученым профессором, строгим медиком, позитивистом – в общем, *солидным* человеком, а не *скандалистом*, в разряд которых его впоследствии и записали.

Хотя начинал Фрейд как физиолог, сделать карьеру на этом поприще ему не представилось случая – пришлось менять профессиональную ориентацию непосредственно внутри медицины. Уже в 1882 году, то есть на следующий год после окончания учебы, Брюкке недвусмысленно советует Фрейду ориентироваться не на исследовательскую, а именно на врачебную карьеру: своего ученика он ценил очень высоко, однако не хотел скрывать от последнего, что выгодных вакансий в их области в ближайшее время не предвидится. С финансовой точки зрения, которая всегда беспокоила Фрейда, это был хороший совет – учитывая к тому же его намерение создать семью с Мартой. В итоге, приняв совет Брюкке, молодой доктор продолжит свое обучение в Главной больнице Вены и откроет частную врачебную практику, которая не сделает его финансово независимым, но позволит не умереть с голоду⁹.

Став практикующим врачом, Фрейд не оставит внутренней страсти к исследованию, к изучению скрытого и непознанного – изучению, которое так пленяло его во время работы в физиологической лаборатории. Иногда эта страсть приводила Фрейда к гениальным озарениям, иногда – к странным курьезам. Так, известен эпизод с кокаином: во время ассистирования в Главной больнице Фрейд с немалым увлечением изучает положительные медицинские свойства коки, при этом отрицательные свойства – как, например, привыкание – игнорирует. Позднее из-за подобной невнимательности Фрейд будет подвергнут критике в медицинских кругах, и до сих пор хейтеры психоанализа так и норовят припомнить его создателю ранние «наркоманские» опыты. Однако важно отметить, что полезные медицинские свойства кокаина действительно имели место: друзья Фрейда, офтальмологи Карл Коллер и Леопольд Кёнигштайн, под влиянием молодого экспериментатора стали использовать кокаин при операциях на

⁸ Кандель Э. Век самопознания: поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней. С. 60.

⁹ Известно, что страх бедности преследовал Фрейда всю жизнь – смотри, к примеру: Фромм Э. Теория Фрейда: Миссия Зигмунда Фрейда. Анализ его личности и влияния. Величие и ограниченность теории Фрейда. С. 22.

глазе, а Коллер впоследствии стал первооткрывателем местной анестезии – конечно, используя при этом свои, и не только свои, опыты с кокаином¹⁰.

Скандал с наркотиком, ободряющие свойства которого Фрейд всячески рекламировал – при полном игнорировании опасности привыкания, – не помешал продвижению Фрейда по карьерной лестнице, хотя сам он всегда не без толики паранойи подозревал, что, если бы не повсеместный антисемитизм (которого, повторюсь, не было), продвижение это могло бы быть и более стремительным. Так, в 1885 году не без содействия Брюкке и другого своего учителя, Теодора Мейнерта, Фрейд получил звание приват-доцента и стал преподавать в Венском университете. Это, однако, не избавило готовящегося к женитьбе доктора от материальных проблем. Иозеф Брейер, любезно помогавший своему юному другу с деньгами, посоветовал тому не только заняться неврологией, но и обратить внимание на *гипноз*, который и сам Брейер охотно пользовался.

Что в неврологии, что в использовании гипноза французская медицинская школа в те времена считалась сильнее австрийской, – и, зная об этом, Фрейд выхлопотал себе стипендию на почти что полугодовое обучение у знаменитого Жан-Мартена Шарко в парижской больнице Сальпетриер. Шарко изучал и демонстрировал на публике истерическое заболевание во всем его гипнотическом шарме. Попутно он развеивал мифы и углублял познание истерии тем, что, например, обнаруживал ее не только у женщин, но и у мужчин, а также связывал ее с посттравматическим расстройством. Последнее обстоятельство будет иметь фундаментальное значение для зарождения психоаналитической теории.

Одним из лучших исследований по вопросу французского влияния на Фрейда является упомянутая уже работа Шертока и Соссюра «Рождение психоаналитика». Возможно, авторы несколько преувеличивают масштаб этого влияния¹¹, но по части информативности их работа остается на высоте. Выстраивая линию преемственности от ранних магнетизеров до фрейдовского психоанализа, авторы выделяют ряд этапов, через которые формировалась особая психоаналитическая предметная область: в животном магнетизме Франца-Антон Месмера впервые в европейской (пара)медицине устанавливается *аффективное отношение* между врачом и пациентом (это отношение получило название *раппорта*), однако предрассудком Месмера было представление о некоем органическом флюиде, дисбаланс которого вызывает болезнь и, соответственно, при воздействии на который магнетизер лечит пациента; несколько медицинских комиссий, назначенных властями расследовать деятельность магнетизеров (в комиссиях этих значились не последние люди – к примеру, Лавуазье, Бенджамин Франклин, даже отец гильотины – собственно Гильотен), в итоге своей работы пришли к однозначному выводу, что никакого такого флюида не существует; однако закрыть медицинскую тему месмеризма, позже названного *гипнотизмом*, не получилось: ведь налицо был феномен воздействия врача на пациента, при котором последнему становилось лучше, – этого-то почтенные комиссии никак не объясняли; Нансийская школа, в особенности Льебо и Бернгейм, продвинули изучение гипнотизма на новый уровень, экспериментальным путем выявляя всё новые факты психического воздействия на соматику; Сальпетриерская школа Шарко, у которого и стажировался молодой Фрейд, вступила в конкуренцию с Нансийской школой, хотя во многом работа их пересекалась и совпадала (разница была в том, что Шарко не оставлял надежды найти органическую обусловленность психического травматизма).

Фрейду удалось освоить результаты работы обеих школ: помимо стажировки у Шарко, он также бывал в Нанси и даже переводил на немецкий работу Бернгейма «О внушении».

¹⁰ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 37.

¹¹ Так, они пишут: «Хотя Фрейд, несомненно, испытал влияние немецких писателей и ученых, воздействие французской культуры и науки оказалось для него в некоторых отношениях определяющим. Именно в Париже в 1885–1886 годах у него зародились идеи его будущих открытий, именно там и тогда он принял важнейшее решение оставить физиологию и обратиться к психологии» (Шерток Л., Соссюр Р. Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. С. 36).

Находясь под впечатлением от французских школ, Фрейд некоторое время применял в своей врачебной практике гипноз, пока не убедился, что *катартический метод* Брейера работает лучше¹². Тем не менее именно благодаря французам Фрейд усвоил тот тезис, который будет решающим для рождения психоанализа: существует психическая детерминация соматических явлений, и путь к экспликации ее (и, таким образом, к излечению) – в установлении аффективного контакта с пациентом.

По возвращении на родину 13 сентября 1886 года в Вандсбеке Фрейд женился на Марте Бернайс. В период с 1887 по 1895 год у четы Фрейдов родилось шесть детей: Матильда, Мартин, Оливье, Эрнст, София и Анна. Сестра Марты Минна поселилась в доме Фрейдов и стала чем-то вроде второй хозяйки, «второй жены», что дало, конечно же, много поводов для всевозможных инсинуаций для недоброжелателей (поводы действительно были: Зигмунд и Минна находились в очень близких и доверительных отношениях, но – родственных и Дружеских, не сексуальных, как того многим бы хотелось). Биографы, как правило, указывают, что после рождения последнего ребенка сексуальная жизнь Фрейда буквально затухает, что может служить пикантным *перформативным* (как это часто бывает у Фрейда) подтверждением его теории о сублимации, в соответствии с которой либидо ученого мужа полностью *инвестируется* в познание, а, соответственно, не в жену.

Элизабет Рудинеско так описывает быт в доме Фрейдов после женитьбы: «Едва устроившись в новой венской квартире на Терезиенштрассе, он запретил Марте праздновать субботу и готовить по требованиям кашрута. Ни один из их сыновей не был обрезан. Отказ от этих ритуалов был для Фрейда единственным способом осознавать свое еврейство, не отвергая идентичности переходом в другое исповедание. Убежденный, как и Спиноза, в том, что является наследником народа, сохранившего историческое единство не столько благодаря священной доктрине избранничества, сколько ненависти со стороны других народов, он гордился своим еврейством, мощнейшим способом сопротивления любому конформизму»¹³. Однако еврейство его воспринималось Фрейдом и как препятствие: помимо вечных опасений, что антисемитизм таится за углом, Фрейд будет делать все, чтобы психоанализ не воспринимался как еврейская дисциплина.

После поездки во Францию Фрейд был захвачен новыми перспективами, однако его энтузиазм заражал не всех. Рудинеско пишет: «Знакомство с Шарко было решающим»¹⁴, и далее: «Нет сомнения, что Шарко был для Фрейда больше чем просто учитель. Он был тем человеком, с помощью которого мог бы быть покорен новый материк – сексуальность» – да-да, этот любимый французскими исследователями психоанализа мотив мы уже слышали, однако: «Определенно, на путь выявления невротических явлений Фрейда вывел Брейер, указывая на важность психического детерминизма в этиологии истерии. Но как строгий практик, озабоченный экспериментальной проверкой, он во всем сомневался, без конца опровергая собственные гипотезы, и советовал Фрейду быть очень осторожным. Брейер любил Фрейда, и Фрейд любил Брейера. Но Фрейд, увлекшийся Шарко, не мог осторожничать»¹⁵. И действительно, неосторожность в очередной раз (после случая с кокаином) его подвела: 15 октября 1886 года его пригласили прочесть лекцию в Императорском обществе врачей Вены, где он изложил идеи Шарко со страстностью неопита, да так, будто бы для всех собравшихся все это было сродни открытию нового континента. Фрейд ошибался, а степенные венские доктора немного обиделись на молодого коллегу за то, что он держит их за малоосведомленных дилетантов. В итоге

¹² По одной из версий, Фрейд решил отказаться от применения гипноза после того, как одна пациентка во время сеанса набросилась на него с явно эротическими намерениями (*Шертук Л., Соссюр Р.* Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. С. 163).

¹³ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 44–45.

¹⁴ Там же. С. 46.

¹⁵ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 47.

лекция была подвергнута не то чтобы разгромной, но все же чувствительной критике, в которой более прочих упорствовал учитель Фрейда Мейнерт. Фрейд был раздосадован, но в конечном итоге упреки в исследовательской поспешности и в недостатке самокритики только пошли ему на пользу.

Что касается событий, которые привели к настоящему оформлению психоаналитической теории, то они имели место на протяжении всех 1880-х годов и итогом была книга 1895 года «Исследования истерии», написанная Фрейдом и Брейером в соавторстве. Огромным шагом вперед было простое, казалось бы, стремление Фрейда и Брейера *выслушать* своих пациентов: тем, что они дали пациентам слово и донесли это слово до читателей, доктора эти преодолели прискорбную установку объективистской психологии того времени, которая, в противоположном психоаналитическому ключе, лечила не *больного*, но самое *болезнь*, тогда как больной редуцировался к бессловесному объекту. Вернув пациентам их слово, их речь, Фрейд и Брейер смогли обнаружить, что ключ к лечению – как раз таки в личной истории пациента, проговариваемой во время сеанса.

Решающим для этого открытия было лечение Брейером пациентки под псевдонимом Анна О. (настоящее имя – Берта Паппенгейм), проходившее с 1880 по 1882 год (то есть задолго до написания «Исследований истерии»). В ходе этого лечения, кстати говоря неудачного, был открыт так называемый катартический метод, или метод лечения разговором. Ошеломленный неожиданным переносом пациентки (сам термин «перенос» будет введен значительно позже), Брейер спешно прекратил лечение, однако младший его коллега Фрейд смог разглядеть во всем этом революционную истину истерии. Первая формулировка этой истины звучала у Фрейда так: судя по тому, о чем говорят пациентки во время сеансов, причиной их истерии может оказаться сексуальная травма, полученная в детстве. От этой ранней теории, которая получила название *теории соблазнения*, Фрейд очень скоро откажется – и правда, требовалось предположить неправдоподобно много случаев детского сексуального насилия при немалом количестве истеричек. Отказавшись от теории соблазнения, Фрейд придет к выводу, что фактического соблазнения могло и не быть, и все равно травмы имеют вполне очевидный сексуальный источник. Однако к тому моменту, как первичная теория стала меняться и обрастать новыми интерпретациями, Брейера рядом с Фрейдом уже не было: представления этих старых друзей о профессии разошлись слишком далеко, чтобы их можно было по-прежнему согласовывать. Дальнейшая разработка психоанализа, открытого в «Исследованиях истерии», принадлежит одному только Фрейду.

Вместо Брейера ближайшим единомышленником Фрейда становится еще один его друг, берлинский врач Вильгельм Флисс, – их переписка является столь же важным психоаналитическим документом, как и фрейдовские теоретические работы: здесь, в переписке, задокументирован процесс зарождения новых идей, ход их развития, их отбраковки и выделки. Как пишет Элизабет Рудинеско, «Фрейд и Флисс живут, как братья-близнецы, фотографируются, отпустив одинаковые бороды, одинаково одетые, с одинаковым взглядом. Портреты они дарят друзьям»¹⁶. Жак Лакан укажет на эпистолярный диалог Фрейда с Флиссом как на один из важнейших пунктов психоаналитической теории: «Для Фрейда вещью, организующей, поляризующей все его существование, был разговор с Флиссом. Разговор этот тянется филигранной нитью через всю его жизнь и является для нее основополагающим. В конечном счете именно в этом диалоге самоанализ Фрейда и осуществляется. Вот почему Фрейд стал Фрейдом и нам приходится сегодня к этому диалогу возвращаться»¹⁷. Отмечу лишь, что разговор с Флиссом длиною в жизнь – это метафора Лакана. На деле Фрейд порывает с другом уже в начале нового

¹⁶ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 50.

¹⁷ Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/55)). М.: Гнозис; Логос, 2009. С. 175.

тысячелетия – это, наряду с ситуацией с Брейером, был один из первых громких разрывов с единомышленниками, которых в биографии Фрейда будет с тех пор еще немало. Так – драматически – двигалась его мысль: через сближение и необратимый разрыв.

В 1896 году Фрейд решается на новую попытку удивить венских докторов – на этот раз уже не чужими, но своими собственными открытиями. Впрочем, результат был тот же: холодное неприятие. Однако реакция коллег не сбивает Фрейда с пути, он загорелся новой теорией и ее перспективами так, что уже было не потушить. В последние годы славного XIX века он проводит тщательный самоанализ, попутно убеждаясь в том, что важнее всего концентрироваться на анализе снов, и в 1900 году публикует (на самом деле книга вышла еще в 1899 году, но на титуле стоял следующий, знаменательный год) главный свой труд – «Толкование сновидений». В этой работе, дополнявшейся и улучшавшейся Фрейдом в последующих изданиях, которых было немало, на множестве примеров из собственной практики формулировались основы психоаналитического метода – метода свободных ассоциаций и толкования снов, которые вкупе способны добраться до вытесненного эротического содержания человеческих фантазий. Влияние книги только росло – чего стоил один только сюрреализм, выросший из «Толкования сновидений» почти через 20 лет после первой публикации этой «библии психоанализа».

Теперь, как пишет Элизабет Рудинеско, «начинается период до Фрейда и после Фрейда»¹⁸. Вскоре после публикации «Толкования сновидений» собирается первое Психологическое общество по средам, участниками которого – и, таким образом, первыми психоаналитиками – были Рудольф Рейтлер, Макс Кахане, Альфред Адлер, позже Пауль Федерн, Гуго Геллер, Макс Граф, Эдуард Хиршманн, Исидор Задгер, Фриц Виттельс, – как видно, имена (за исключением Адлера) не самые известные, кроме того, большинство из них держалось в стороне от профессиональной медицины и психологии. Собирались первые аналитики непосредственно в доме Фрейда на Берггассе, 19, с докладами выступали по жребию, выслушивали друг друга молча; кстати, в обществе запрещалось зачитывать доклад по бумажке (почти что забытое ныне искусство!), а женщины, разумеется, на заседания не допускались¹⁹ (исключение было сделано только для Лу Андреас Саломе – эта редкого ума дама из Российской империи вызывала у Фрейда большое уважение).

В 1905 году Фрейд осуществляет скандальную интервенцию в область детской сексуальности в работе «Три очерка по теории сексуальности». Сексуализация детства: этого почтенная буржуазия не могла простить Фрейду даже более, чем сексуализацию... самого сознания почтенной буржуазии. Очерки по теории сексуальности стали одной из самых популярных и раскупаемых книг Фрейда. Его известность росла, рос и круг его единомышленников – так, в 1907 году общество по средам насчитывало двадцать одного участника, а этого было уже многовато для скромного домашнего кружка по интересам. Фрейд сделал вывод и следом за ним – политический жест: он распустил общество по средам и создал Венское психоаналитическое общество, собственно первое официальное психоаналитическое учреждение. Имена людей, вступивших в общество (для краткости будем именовать его ВПО), хорошо известны: Макс Эйтингон, Шандор Ференци, Карл Абрахам, Карл Густав Юнг, Эрнест Джонс – словом, перед нами в готовом виде то ядро, которым и будет славен ранний психоанализ, разве что кое-кто из перечисленных (покамест не будем показывать пальцем) в скором времени вступит с Фрейдом в непреодолимые разногласия и будет вынужден покинуть психоаналитическую «основу».

Помимо самого ВПО, было основано три профильных журнала: «Ежегодник психоаналитических и психопатологических исследований» в 1909 году, «Журнал по психоанализу. Медицинский ежемесячный журнал по психологии» в 1910 году, «Имаго» в 1912 году. Элиза-

¹⁸ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 83.

¹⁹ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 97–98.

бет Рудинеско отмечает, что «В первом публиковались статьи по терапии, второй был органом международного движения, третьему отводилось более эстетическое направление»²⁰.

С тремя печатными органами и с ВПО психоанализ спешно выходит за собственно венские границы: в 1908 году в Зальцбурге проводится первое большое собрание психоаналитиков, в котором участвовали сорок два человека из шести стран. Движимый логикой ситуации, Фрейд в 1910 году создает Международную психоаналитическую ассоциацию (МПА), первым руководителем которого становится Карл Густав Юнг, что свидетельствует, конечно, о том безграничном доверии, которым был исполнен Фрейд к своему швейцарскому коллеге в те «золотые» годы. Помимо всего прочего, с этого момента решено было проводить конгрессы МПА с частотой в два года. Отныне психоанализ становится наднациональным (и, к слову, надконфессиональным, что было важно для Фрейда) явлением.

Впрочем, явлением в собственном смысле мировым психоанализ становится уже в 1909 году, когда Фрейд, Юнг и Ференци «открыли» свою Америку, посетив Новый Свет по приглашению Университета Кларка (Вустер), и в частности психолога Грэнвилла Стэнли Холла. История открытия психоаналитической Америки более прочего примечательна тем, что, хотя Фрейд совсем не любил США, именно здесь психоанализ ждал наибольший успех в не таком уж далеком будущем. Еще на борту парохода «Джордж Вашингтон», пересекающего Атлантику от Бремена к порту Хабокен, Нью-Джерси, Фрейд скажет Юнгу: «Если бы они только знали, что мы им везем...»; позже, в 1955 году, Жак Лакан сделает эту изначальную фразу более эффектной, передав ее так: «Они не знают, что мы везем им чуму»²¹, — интересно, что именно в таком искаженном виде фраза эта и сохранилась в культурной памяти по сей день — так, что ее можно счесть замечательным примером «оговорки по Фрейду»: Лакан так ненавидел американский психоанализ, что, пожалуй, был бы не против наслать (на одном борту с Фрейдом и Юнгом) чуму на весь Новый Свет.

В Штатах Фрейд впервые посмотрел кино, встретился в доме Холла с прославленным американским философом и психологом Уильямом Джемсом (который назвал психоанализ «опасным методом», — однажды режиссер Дэвид Кроненберг снимет под этим названием фильм, посвященный, впрочем, не отношениям Фрейда с Джемсом, которых, в общем, и не было, но куда более драматическим и насыщенным отношениям Фрейда с Юнгом), читает наконец свои *пять лекций по психоанализу*, где, помимо прочего, вполне на американский, прагматический манер растолковывает почтенным джентльменам психоаналитическую теорию: представьте-де, что в этой аудитории завелся смутьян (метафора бессознательного) и сильные мужчины выгоняют его вон (метафора цензуры); однако смутьян продолжает мешать лекции из-за дверей аудитории, — вот здесь-то и нужен психоаналитик, который вступит со смутьяном в переговоры, раз уж его не получилось урезонить силой...

Поездка в США была в целом успешной, однако по возвращении домой Фрейд, обеспокоенный тем, что с разрастанием психоанализа все труднее его контролировать, вступает в череду конфликтов внутри собственного движения. В 1911 году он отлучает от психоанализа Альфреда Адлера, бывшего президента ВПО и, как мы помним, одного из первых последователей Фрейда; конфликт разгорелся вокруг «еретической» теории Адлера о комплексе неполноценности и воле к власти.

Очень скоро, в 1912–1913 годах, происходит куда более болезненный разрыв с Юнгом, которому Фрейд хотел завещать свой психоанализ, если с ним самим что-то случится, — степень доверия к Юнгу была до поры высока²². Однако Фрейд счел предательством книгу

²⁰ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 102–103.

²¹ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 132.

²² Так, Фрейд в письме Бинсвангеру от 14 марта 1911 года пишет следующее: «Если основанная мною империя осиротеет, то не кто иной, как Юнг, должен целиком ее унаследовать» (Руткевич А. Психоанализ. Истоки и первые этапы развития. С. 266).

Юнга «Либи́до, его метаморфозы и символы», в которой психоаналитическое понятие либи́до изрядно десексуализировалось и выдавалось за психическую энергию вообще, как таковую. Этого было достаточно, чтобы забыть и про «наследного принца», и про «арийскую» поддержку психоанализа – Фрейд был болезненно обидчивым и капризным «отцом», немало напоминающим того самого древнего отца орды, о котором он сам писал в книге «Тотем и табу» (1913 год). Кстати, Элизабет Рудинеско также отмечает, что в «Тотеме и табу» важную роль играют следы свежего разрыва с Юнгом: «„Тотем и табу“ – это, прежде всего, книга политическая, навеянная кантовской философией, и в то же время – манифест против дорогой для Юнга психологии народов. Предположу, что она тоже результат американского путешествия, когда оба ученых часто затрагивали вопросы смешения „рас“ и „этносов“, в частности в Нью-Йорке»²³.

По горячим следам всех этих расколов Эрнест Джонс, сменивший отлученного Юнга на руководящем посту МПА, создает тайный комитет самых верных последователей Фрейда – в него входят, помимо самого Джонса, Карл Абрахам, Ханс Закс, Отто Ранк, Шандор Ференци, венгерский промышленник Антон фон Фройнд, а с 1919 года и выходец из России Макс Эйтингон. В подчеркнуто ритуализированной форме Фрейд раздал своим новоиспеченным рыцарям по гемме из своей собственной коллекции – изначально предполагалось, что члены тайного круга будут носить эти знаки отличия на золотой цепочке, но впоследствии из них сделали перстни (и снова исключение было сделано для Лу Саломе, которая в комитет не входила, но получила свой перстень; позже его получит и родоначальница французского психоанализа Мари Бонапарт). Сам Фрейд носил украшение с Зевсом²⁴.

Первую мировую войну Фрейд встречает австрийским патриотом – этот запал, впрочем, скоро исчезнет. Жан-Мишель Кинодо так описывает этот период: «Военные годы оказались чрезвычайно суровыми для Фрейда и его семьи. Он упоминал в письмах, что очень страдает от голода и холода, до такой степени, что зимой не может держать в пальцах перо, и ему очень не хватало табака. Фрейд тревожился, подолгу не получая сведений от призванных в армию сыновей. Пациентов стало мало, временами у него был один-единственный пациент. Фрейд отказался эмигрировать в Лондон, к чему побуждал его Джонс. Хотя брат оказывал ему из Америки материальную помощь (которую Фрейд поспешил возместить ему после войны), большая часть его энергии уходила на попытки заработать на нужды семьи»²⁵. Всеми покинутый и стесненный, Фрейд углубляется в теоретическую работу. Результатом ее станет корпус текстов под общим названием «Метапсихология», в который изначально планировалось включить двенадцать очерков, но в итоге остались лишь пять: «Влечения и их судьбы», «Вытеснение», «Бессознательное», «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений», «Скорбь и меланхолия». Следом за «Метапсихологией» Фрейд читает успешные лекции по введению в психоанализ (1916–1917 годы). Это событие, имевшее место в конце войны, символизировало возрождение психоанализа, вынужденно скрывшегося в тень истории начиная с 1914 года.

Послевоенный культурный бум включил психоанализ в свою орбиту. Популярность фрейдовской теории стремительно росла в США, укреплялись различные психоаналитические общества – Нью-Йоркское, Лондонское, Берлинское, – во Франции художественные авангардисты, прежде всего сюрреалисты, использовали психоанализ как источник вдохновения для самых смелых идей, эпатировавших по-прежнему викторианскую буржуазию.

Фрейд, однако, художественным авангардом не заинтересовался – он всю жизнь оставался последовательным классицистом, и в поле его художественно-психоаналитических интересов попадали одни лишь титаны: Леонардо и Микеланджело, Шекспир и Достоевский.

²³ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 144.

²⁴ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 147.

²⁵ Кинодо Ж.-М. Читая Фрейда: изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе. М.: Когито-Центр, 2012. С. 247.

Подчеркнутая иррациональность современного ему авангарда отталкивала его, убежденного сторонника Просвещения. Об этом у Рудинеско: «Мыслитель Просвещения, Фрейд следовал за Кантом и придерживался идеи о том, что человек призван войти в мир разума и понимания, а для этого ему необходимо избегать всяческого отчуждения. Он уважал знаменитые слова, требовавшие мужества и обретения знаний: „Осмелюсь думать сам“, верил, что, научившись владеть собой, можно подчинить любые инстинкты. Точно так же он был убежден и в том, что элиты должны вести за собой толпу, а не играть роль „представителей народа“. Он оставался привязан ко всему тому, что олицетворяло патриархальную власть»²⁶. И вместе с тем получалось так, что власть в его время оказывалась в руках не просвещенных управленцев, но перверсивных тиранов и параноидальных идеологов – словом, тех монстров, что будто сошли со страниц некоторых фрейдовских книг.

Между двумя мировыми войнами – на пороге второй Фрейд скончался – психоанализ, как, впрочем, и весь мир вокруг него, колебался от тех или иных – когда счастливых, когда несчастных – потрясений. Главным теоретическим событием для Фрейда был переход к *новой топике* и введение знаменитой *триады Сверх-Я, Я и Оно* в поворотных работах начала 20-х: «По ту сторону принципа удовольствия» и «Я и Оно» (1920-го и 1923 года соответственно). Помимо этого, в работе «Коллективная психология и анализ человеческого Я» (1921) психоанализ распространяется с уровня индивида на уровень коллектива – своевременный и влиятельный жест в уже грянувшую эпоху тоталитарных культов.

Несмотря на все обвинения в догматизме, сопровождавшие Фрейда и много после его смерти, он никогда не стоял на месте, его теория перерабатывалась и обогащалась. Почти что патологически строгий по отношению к ближайшим своим последователям, создатель психоанализа не раз – кто знает, сознательно или нет – интегрировал в собственную теорию некоторые из тех ересей, из-за которых ему приходилось скандалить с учениками. Так, вторая топика похожа на компромисс с ересью Юнга: если пункт расхождения с последним для Фрейда заключался в «размытии» понятия либидо, то и сам он изрядно размывает свой опорный термин, эксплицируя в нем изначальный конфликт между Эросом и влечением к смерти.

Жизнь вокруг Фрейда была по-прежнему бурной: младшая дочь его, Анна, которая вскоре сама станет видным психоаналитиком, проходит у отца психоанализ (порой Фрейд даже называл ее своей «единственной дочерью»²⁷; к слову, по правилам психоаналитической практики лечить собственных родственников запрещается, но Фрейд был тем человеком, кто никогда не следовал этим правилам); ближайший его ученик Отто Ранк порывает с учителем, вводя неортодоксальное понятие травмы рождения (1924, окончательный разрыв между Фрейдом и Ранком происходит в 1926 году, следом за этим Ранк делает очень успешную психоаналитическую карьеру в США); умирает от сепсиса один из ближайших его последователей – Карл Абрахам (1925; еще раньше, в 1920-м, от осложнений после беременности умирает дочь Фрейда София); наконец, и сам Фрейд обнаруживает на правой стороне челюсти опухоль – так в его жизнь входит рак, мучивший Фрейда всю оставшуюся жизнь, привязавший его к ненавистному челюстному протезу (Фрейд называл его «мое чудовище»), а следом и вовсе сведший профессора в могилу.

Фрейд был патриотом («Его либидо, говорил он, не веря в это особо, было твердо мобилизовано для Австро-Венгрии»²⁸), его связывали дружеские отношения с выдающимися представителями австрийской и немецкой культуры – Стефаном Цвейгом, Томасом Манном, – однако к 30-м годам и он, порой столь политически наивный, осознал, к чему идет дело в немецкоязычном мире. Нет ничего удивительного в том, что с приходом нацистов психоанализ

²⁶ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 183.

²⁷ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 209.

²⁸ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 151.

был объявлен «еврейской наукой» – иными словами, произошла та самая «конфессионализация» психоанализа, которой Фрейд так опасался в начале своего пути, разве что теперь это означало не просто риск непризнания, но куда больший риск.

Нацисты решили прибрать к рукам всю хорошо разработанную психоаналитическую инфраструктуру и сделать на ее основе *арийскую психологию*; заниматься этим было поручено Генриху Герингу, кузену маршала Геринга: отныне он, некогда ассистировавший Эмилю Крепелину и весьма ценивший Юнга, именовался *фюрером психотерапии*. Позже, в 1936 году, Геринг создаст Немецкий институт психологических исследований и психотерапии, следом названный Институтом Геринга; что символично, он разместился в помещении Берлинского психоаналитического общества. *Последовательный* ариец, Карл Густав Юнг хорошо вписался в систему нацистской психиатрии, тогда как книги Фрейда жгли на площади со всей прочей «вырожденческой» литературой, на что сам Фрейд не без иронии заметил: «Какой прогресс! В Средние века они сожгли бы меня, а теперь удовлетворяются всего лишь сожжением моих книг»²⁹. Он все еще не хотел верить в то, что совсем скоро нацисты примутся жечь людей в куда больших масштабах, чем оно было при инквизиции.

Как пишет Рудинеско, «два последних года жизни страдавший от рака Фрейд лицезрел обвал и крушение всего, что он выстроил: издательские дома были закрыты, книги сожжены, учеников преследовали, убивали, вынуждали бежать, институты закрывали, вещи растаскивали, жизнь человеческая не ставилась ни во что»³⁰. В роковом 1933 году от малокровия умирает Шандор Ференци. Многие единомышленники покидают Фрейда, спешно спасаясь от надвигающейся опасности. Ближайшим Фрейду человеком, если не считать его дочь Анну, вновь становится англичанин Эрнест Джонс. Именно Джонс – наряду с Мари Бонапарт, заплатившей нацистам выкуп за Фрейда (а кроме того, спасшей его письма к Флиссу), и американским дипломатом Уильямом Буллитом – будет хлопотать об эмиграции Фрейда и его семьи сразу после аншлюса Австрии. Это был нелегкий, однако успешный процесс: 4 июня 1938 года Фрейд с семьей садится в «Восточный экспресс» и вскоре оказывается в Англии, где и доживает свои последние дни, полные, несмотря на рак, заботы близких и признания публики. Зигмунд Фрейд умер 23 сентября 1939 года в 3 часа утра – он попросил своего врача Макса Шура сделать ему смертельную инъекцию морфия. В Европе начиналась еще одна война.

Мир погрузился в новое варварство – он вообще редко из него выходил. Фрейд же был последним из чистых, беспримесных представителей славного европейского Просвещения, и – судя по дате его ухода из жизни – его Просвещение умерло вместе с ним, они умерли вместе на самом пороге страшного, опустошительного сна разума, порождающего (вне) очередных чудовищ. Пессимистические прогнозы Фрейда сбылись: массовое либидо, инвестированное в харизматических вождей, разорвалось словно атомная бомба – и это еще до ее изобретения. Коллективное бессознательное прорвало кордоны индивидуальных защит, и в нем – вопреки чаяниям Юнга – не оказалось ничего романтического.

Но чтобы не кончать на столь мрачной ноте, отметим: возможно, возрождая, поддерживая сегодня интерес к Фрейду и его интеллектуальному детищу, мы по-прежнему помогаем возродиться, держаться и самому Просвещению – в самой классической, кантовской его форме. Ведь нельзя же, в конечном итоге, по-прежнему малодушно мириться с тем, что Просвещение-де кануло без следа, так и оставив своих мертворожденных наследников с унижительной пустотой лживых надежд, холостых идеалов и утопических неудач.

Фрейд был эмиссаром Разума – как бы ни хотел романтизировать, по-ницшеански витализировать его проект тот же Томас Манн³¹ – в том, что всю жизнь он стремился познать непо-

²⁹ Рудинеско Э. Зигмунд Фрейд. С. 309.

³⁰ Там же. С. 329.

³¹ См.: Манн Т. Место Фрейда в истории современного духа // Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе. М.:

знанное – то, что мнили и вовсе непознаваемым. Не девизом ли познающего Разума следует считать призыв Фрейда из лекций 1933-го, рокового года: *Wo Es war, soll Ich werden* – где было Оно, должно быть Я?³²

Но что же этому Разуму в лице Фрейда и силами психоанализа в конечном итоге *удалось* познать? Об этом мы и поговорим в следующий раз.

Культурная революция, 2009. С. 164 и далее.

³² Манн здесь верно замечает, что *предметом* фрейдовского психоанализа было иррациональное, но он почему-то совершенно забывает, что *задачей* Фрейда была *рациональная объективация* этого предмета (еще раз: *Wo es war..*)).

Лекция 2

Путешествие на край ночи

Бессознательное всегда заставляет нас обращаться назад, и в этом смысле психоаналитическая работа может быть понята как движение вспять, а бессознательное – как прошлое, так сказать, основное, сущностное прошлое, потому что в некотором смысле бессознательное обозначает в субъекте то, что для него самого никогда не существовало в настоящем. Бессознательное всегда перетасовывает все временные категории. По мнению Фрейда, оно – вне времени, и посему наши желания, будучи бессознательными, – вечны. В субъекте то, что обозначено, обретает существование в настоящем[33].

Жак-Ален Шиллер

Итак, теперь нам предстоит в концентрированной форме изложить теорию фрейдовского психоанализа. Для удобства изложения классифицируем эту теорию по ряду этапов³³.

Точкой отсчета или, скажем, нулевым этапом служит для нас ранний фрейдовский научный опыт – перед нами молодой Фрейд (годы с 1873-го до примерно 1885-го), Фрейд-позитивист, ученик Брюкке и Мейнерта, физиолог, зоолог, невролог. Вдаваться в детали этого нулевого этапа мы по понятным причинам не будем – все важное было сказано там, где мы оговаривали общее состояние венской медицины той эпохи. Отметим лишь самое главное: основополагающее влияние Дарвина, который укоренил сущность человеческого животного в репродукции, и распространенный биологизм того времени (соприкасающийся, как известно, с философским витализмом), который был абсолютно уверен, что все скрытое и непознанное в человеческом существовании может быть связано со строго определенным физическим, органическим, словом, объективным коррелятом. Для юного Фрейда все это – что азбука.

Впрочем, в азбуке вскоре обнаруживаются пробелы. С этим обнаружением связан в собственном смысле первый этап становления фрейдовского психоанализа – с середины 1880-х по середину 1890-х: озадачивающее знакомство с брейеровским случаем Анны О., переход от экспериментальной к врачебной деятельности и, таким образом, перепрофилирование в психотерапевта, пристальный интерес к гипнотизму, внушению, сомнамбулизму, стажировка в Париже, поездка в Нанси, перевод Бернгейма, наконец, работа над совместной их с Брейером книгой – «Исследования истерии». Ключевым отличительным признаком, отделяющим первый этап от этапа подготовительного, нулевого, является вот что: на собственном опыте Фрейд усомнился во всевластии органического объяснительного принципа. Благодаря Анне О. и Шарко, благодаря экспериментам Нансийской школы Фрейд понимает, что в психиатрии существуют такие случаи – коих немало, – в которых органический редукционизм попросту не работает. Требуется разыскать другое объяснение – по счастью, Фрейд был тем авантюрным искателем, которому была в радость такая работа.

Внушением вызывая в теле пациента те или иные травматические проявления, Шарко экспериментально доказал, что не только физиология может оказывать влияние на психику, но также и психика способна оказывать влияние на физиологию. Наряду с общепринятой органической причинностью, в контексте этих экспериментов мы вынуждены принять и особую *психическую причинность*. Эта психическая причинность, конечно, загадочна: как, каким способом, спрашивается, психика может вызывать соматические реакции, когда для всякого

³³ За более подробной классификацией и описанием основных этапов фрейдовского психоанализа отсылаю к прекрасной работе: Кинодо Ж.-М. Читая Фрейда: изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе.

здравомыслящего механициста бесспорно, что только тела оказывают воздействие на тела?.. Мы присутствуем как раз при том, как век ортодоксальных механицистов подходит к концу. Однако даже те люди, которые первыми этот век провожали, не могли так уж запросто принять таинственную психическую причинность. Так, сам Шарко уповал на то, что когда-нибудь, когда деревья станут еще зеленее, а медицина – еще могущественнее, отыщется-таки *органическое* объяснение этой тайны психической причинности. Складывается впечатление, что первооткрыватель не на шутку испугался собственного открытия. Сразу отметим, что этот же парадокс имел место и в случае Фрейда: подобно Шарко, он много раз повторял, что будущая медицина обязательно прояснит – конечно же, более связно, научно, системно – туман его собственных открытий. Также напуганный или, мягче, озадаченный психической причинностью, Фрейд постоянно пытался свести ее к некоторому органическому субстрату. Да, ему всегда и до самого конца хотелось считаться своим у ученых-естественников..

Тот органический, или квазиорганический субстрат, который использовал Фрейд для объяснения таинственной психической причинности, в психоанализе именуется древним латинским термином *либидо*. Теперь нам нужно пройти тот же путь, который к формулировке этого ключевого понятия проделал и Фрейд. Допустим, благодаря Шарко проблема психической причинности открылась нам с Фрейдом во всей своей пугающей красе. Оказывается, к травмам могут приводить не только механические воздействия, как то: аварии, несчастные случаи и так далее, но и некие сокрытые события в психике пациентов. Что это за события? Для ответа на этот вопрос мы должны подключить к событию Шарко событие Брейера, суть которого сводима к следующей формуле: *talking cure*, лечение разговором. Именно так прозвала свое лечение у Брейера его пациентка Анна О., случай которой инициировал работу двух докторов над книгой «Исследования истерии», в которую, помимо Анны О., вошли еще четыре случая: Эмми фон И., Люси Р., Катарины и Элизабет фон Р., следом шли «Теоретические замечания» Брейера и статья Фрейда «Психотерапия истерии».

Фрейд с его невероятным чутьем на открытия ухватился за случай Анны О. с куда большим энтузиазмом, чем немало растерянный Брейер. Сопоставив лечение разговором с проблемой психической причинности, Фрейд догадался, что между ними есть явная связь. Случай Анны О. – это типичный случай психической причинности, ее истерия не имела органических оснований, но приносила вполне реальные страдания. Однако страдания проходили, если пациентке удавалось... выговориться, высказать то, что причиняло ей страдания, – поэтому *talking cure* в действительности, без шуток оказывалось именно *сиге*, ни больше ни меньше. Такое лечение через проговаривание получило название *катартического метода*: мы помним, что *катарсис* – термин из Аристотеля, который с его помощью описывал в «Поэтике» разрядку страстей, происходящую через созерцание искусства. Не через искусство, но через сеанс с аналитиком (сам термин «психоанализ» пока еще не появился) пациент – в данном случае пациентка, Анна О., – достигает катарсиса, той самой психической разрядки, которая, освобождая причины страдания, может избавить от самого этого страдания. Итак, вот искомая связь: ключом к психической причинности и, соответственно, к избавлению от страданий служит катартический метод, лечение разговором, ибо именно этот разговор выносит из глубины на поверхность причины страдания, искомые психические причины травмы.

Это был важный промежуточный успех: до этого момента на истерию смотрели более чем косо, за неимением органического ее объяснения истериков чаще всего считали сумасшедшими или просто симулянтами. Работа Фрейда и Брейера заставила относиться к истерии всерьез. Нам удастся понять истерию и, более того, излечить ее, если мы заставим пациента выговорить ту психическую травму, которая к истерии и привела. Хорошо освоивший, как мы помним, гипноз, Фрейд первое время прибегал к его помощи, чтобы добраться до искомым воспоминаний. Однако от гипноза пришлось отказаться, ибо во многих случаях он лишь затруднял лечение, к тому же многие люди вовсе не гипнабельны. Вместо гипноза Фрейд раз-

рабатывает куда более эффективную технику: *метод свободных ассоциаций*. Суть его в том, что пациент должен говорить все, что приходит ему на ум, и ассоциативные цепочки, направляемые аналитиком, должны привести к ядру травмы. Впоследствии из этого метода родится *главное правило психоанализа*, которое Фрейд сообщал своим пациентам перед началом сеансов: говорить все, что приходит в голову, без цензуры и без отбора. Фрейд рано понял одну хитрость: чем ближе мы подбираемся к цензуре и отбору, тем ближе мы оказываемся у ядра болезни. Таким образом, возникает еще одно важное психоаналитическое понятие: *сопротивление*.

Метод свободных ассоциаций – это, конечно, продолжение *talking cure*, у которого изначально не было методологической строгости. Однако строгость эту Фрейд вырабатывал уже без Брейера – их пути разошлись в силу теоретических разногласий (как это часто бывает в случае психоанализа, существует несколько версий этого конфликта; мы, однако, не будем здесь на них останавливаться). Теперь, после 1895 года, у психоанализа только один рулевой, и курс его далек от стабильности. Так, по-прежнему не проясненным был вопрос о характере той психической травмы, которую во время сеанса выговаривали пациенты. Фрейд быстро понял две вещи: во-первых, травматические воспоминания пациентов, как правило, имели *сексуальный* характер, и, во-вторых, они чаще всего восходили к периоду *раннего детства*. Итак, сексуальность и детство – не очень уютное соседство, особенно для культурных табу того времени. Как их связать? Первая версия Фрейда была такова: событием, инициирующим психическую травму, является *реальное сексуальное соблазнение* пациентов в раннем детстве. Взрослые – отцы, матери, старшие братья и сестры, служанки и воспитатели – в действительности совращают детей, нанося тем самым урон их психике. Эта версия получила название *теории соблазнения*. Однако понятно, что подобная теория выглядит крайне нереалистично: учитывая немалое число истериков, сколько же сексуальных маньяков-соблазнителей надо предположить среди почтенных венских буржуа?.. Снова и снова анализируя собранный материал, Фрейд выдвигает вторую гипотезу, которая и ляжет в основу психоанализа: для возникновения психической травмы сексуального характера вовсе не обязательно, чтобы имела места сцена реального соблазнения; вполне достаточно сексуальной фантазии ребенка, ибо *детские фантазии и так, без всякого соблазнения, изначально сексуальны*.

Пожалуй, сексуализация детства – главная статья, по которой Фрейду предъявляло обвинение современное ему общество. Роль сексуальности в раннем детстве Фрейд попытался проследить в работе «Сексуальность в этиологии неврозов» 1898 года, легшей в основу его доклада в Венском медицинском обществе – как водится, встреченного в штыки. Однако эта работа, пускай и не принятая сообществом коллег, послужила решающим стимулом для открытия фрейдовского бессознательного, именно она инициировала следующий, наиболее важный этап становления психоанализа: период с конца 90-х годов XIX века и первое десятилетие XX века, когда появляются основные психоаналитические книги («Толкование сновидений», 1900; «Психопатология обыденной жизни», 1901; «Три очерка по теории сексуальности», 1905) и когда складываются первые психоаналитические сообщества. Именно к этому периоду относится формулировка опорных психоаналитических понятий: *бессознательное* и *либидо* в их неразрывной связи.

В одном из писем Фрейд сообщает Флиссу о том, что он отказывается от теории соблазнения, и происходит это в тот самый момент, когда он переходит от анализа истерических больных к кропотливому длительному *самоанализу*. Центральным пунктом во фрейдовском самоанализе является *анализ сновидений*. Фрейд замечает, что сны имеют смысл, важный для проблемы психической причинности, что сны сообщают нам многое и это многое напрямую связано с ранними травмами. Традиция толкования сновидений восходит к древности, но Фрейда не устраивают ни расхожие популярные толкования, связывающие образы сна с символическими культурными кодами эпохи (можно заметить, что в этом уже предугадыва-

ется будущий конфликт с Юнгом), ни научные объяснения, попросту редуцирующие сон к соматическим причинам и не видящие, таким образом, в снах никакого собственного смысла. Вопреки всему этому, сновидение для Фрейда – царский путь к бессознательному: сон проговаривает, как и пациент при свободных ассоциациях, истину вытесненных фантазий. Фрейд пишет: «Сновидение является полноценным психическим феноменом, а именно представляет собой исполнение желания; его можно включить во взаимосвязь понятных нам душевных проявлений в бодрствовании»³⁴.

Во взаимосвязь понятных нам душевных проявлений в бодрствовании сновидение включается на тех же правах, что и воспоминания при свободных ассоциациях. Сны указывают на *желание*: часто дело идет о желаниях банальных – скажем, сновидцу хочется по-маленькому, – но царским путем к бессознательному будут, само собой, желания более сложные, вытесненные. Процесс вытеснения работает там, где психика сталкивается с травмирующим событием. Следовательно, желания, говорящие в сновидениях, связаны с этими вытесненными травмами, в которых мы уже научились усматривать причины психических недугов. Тогда сновидение – это форма, некий язык, который призван явить вытесненное содержание в странном, спутанном виде. Сновидение – это шифр, тайный язык для записи того, что в силу своего травматизма не должно быть явлено на свет истины. Позже Жак Лакан выскажется на этот счет так: «Дело не только в формуле, согласно которой сновидение о чем-то говорит: единственное, что Фрейда действительно интересует, это построения, посредством которых оно говорит, – сновидение рассматривается им как речь. Именно это никому до Фрейда не приходило в голову. Люди знали, что у сновидений есть смысл, что из них можно что-то вычитать, – они не знали, что оно представляет собой речь»³⁵.

Как и у всякого языка, у языка сновидений есть собственные фигуры. Самыми важными из них являются следующие: *сгущение*, напоминающее метафору в языкознании (или же ось селекции у Якобсона), и *смещение*, напоминающее, соответственно, метонимию (или же ось комбинации). Функция их – как раз таки камуфлировать вытесненное, в достаточной степени его остраивать. Приведем примеры – однако не будем в который уж раз затирать собственно фрейдовский материал, но пофантазируем самостоятельно. Пример сгущения: допустим, я хочу избежать ответственности за то, что дал знакомому человеку неверный совет; как напоминание о вытесненном, этот человек, перед которым я бессознательно виноват, появляется у меня в сновидении; но появляется он в сгущенном виде, сочетая в себе различные элементы моего вытесненного желания: скажем, он одет в костюм другого человека, третьего лица, на которого бы я хотел свалить ответственность за собственный проступок (де, это не я, это он дал плохой совет), а кроме того, у него в руках трость моего отца, который когда-то давно заставил меня впервые испытывать чувство вины, и этой тростью он тычет в меня, ругая меня в тех грубых и непристойных выражениях, которыми меня когда-то обругивала моя прабабушка, сильно обидившаяся на меня за разбитый семейный фужер. Вот сгущение в чистом виде: множество элементов, отсылок, цитат, собранных в одном образе, призванном продемонстрировать всю диахроническую сложность моего травматического воспоминания. Пример смещения: ситуация та же, но снится мне, скажем, перчатка, оставленная на мостовой, при виде которой я чувствую боль в животе; я вспоминаю, что эта перчатка принадлежит тому самому человеку, перед которым я виноват, и это воспоминание вызывает у меня боль. Смещение здесь – это метонимический переход по смежности, перенос травматического содержания с целостного объекта на часть его, с целого человека на его вещь, перчатку, которая, впрочем, способна вызывать те же неприятные чувства, что и ее хозяин.

³⁴ Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Фирма СТД, 2008. С. 141.

³⁵ Лакан Ж. Психозы (Семинар, Книга III (1955/56)). М.: Гнозис; Логос, 2014. С. 18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.